

Мария Шелухина

ПИРОГ С ЧЕРЕМУХОЙ

БЕЛАЯ ВОРОНА
ALBUS CORVUS
Москва · 2022

ББК 84(2Рос=Рус)-44
УДК 82-3
Ш42

Содержание

Шелухина, Мария

Ш42 Пирог с черемухой / Мария Шелухина. – М. :
Белая ворона, 2022. – 232 с.

Литературный конкурс «Белой вороны» проводится с 2020 года. Каждый год мы предлагаем авторам, пишущим для детей, новую тему, а затем из нескольких сотен присланных рукописей отбираем лучшие. Мы верим, что литературный конкурс позволит начинающим авторам, чьи произведения отвечают нашим представлениям о детской литературе, найти своего читателя.

ISBN 978-5-00114-306-2

© М. Шелухина, 2022

© ООО «Издательство Альбус корвус», 2022

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Мы едем.....	9
Пирог с черемухой.....	20
Свекольная дорога.....	22
Большой Ух.....	30
Бабушкин дом.....	39
Дворовые.....	47
Игра.....	64
Завтра.....	90
Затмение.....	101
Узел.....	120
Конфеты.....	127
Колесо.....	132
Мое задание.....	138
Больница.....	145
В тюрьме.....	159
Ведьма.....	163
Тетя Тоня.....	169
Ромка.....	176
После.....	183
Деда Толя.....	189

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Через двенадцать лет.....	193
Встреча.....	196
Ночь на даче.....	215
Прощание.....	223
Прощение.....	228

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Мы едем

Мы едем к бабушке, потому что наступило лето, школа закончилась и меня снова некуда деть. Каждое лето родителям некуда меня деть. Даже теперь, когда я вполне могу о себе позаботиться. Но семейные традиции – есть семейные традиции, против них не попрешь.

Вообще-то бабушек у меня две, но живут они в разных местах и к тому же очень далеко от нас. Это потому, что мой папа – военный и он не выбирает, где ему жить, а уж мы с мамой – тем более. За нас выбирает неведомый командир в большой фуражке, и фантазия у него что надо. Каждый раз мы уезжаем все дальше. Все дальше от бабушек.

Моих бабушек ни за что не перепутаешь, хотя зовут их одинаково. Они обе Тани, но мамину маму я называю «бабуля», а папину – «бабушка», потому что она другая.

Сейчас мы едем к бабушке, и это хорошо, но немного плохо. Мама не любит здесь бывать, потому что сюда особенно не зовут, но очень обижаются, если мы не приезжаем. А еще здесь не любят маму. Она так думает. А я думаю, что тут никого особенно не любят. Но мы все равно снова едем к бабушке, потому что лето и меня некуда деть.

Кроме бабушек у меня есть и дедушки. Их зовут по-разному – Толя и Миша, но я обоих называю «деда», потому что люблю одинаково. Хотя нет, Мишу я люблю,

потому что он бабушкин и из-за этого мне всегда его немного жалко. А Толя — бабулин, и его я люблю, потому что очень люблю ее.

Когда мы приедем, деда обязательно нас встретит. Он будет загорелый, худой и седой.

На нем будет выгоревшая на спине бледно-зеленая военная рубашка, из которой папа давным-давно вырос, и темно-синие брюки. Много лет я не могу понять, то ли это всегда одни и те же брюки и рубашка и деда просто никогда не пачкается, то ли у него их миллион.

А еще деда будет курить, хотя ему этого и нельзя, и много молчать. И мама тоже будет молчать — от волнения и чтобы выглядеть хорошей. Для мамы это важнее всего. А хорошей выглядеть легче, если ничего не говорить и почаще улыбаться, потому что голос может выдать все, чего мы не хотим показывать. Мне скрывать нечего, про меня и маме, и дедушке, и уж тем более бабушке все давным-давно известно, поэтому говорить буду я. Ну и хорошо.

В вагоне жарко и душно, хотя все окна открыты. Я стою в коридоре, высунув голову наружу. Это не освежает, но все равно приятно, когда ветер весело треплет тебя за нос горячей рукой и вдувает в легкие знакомый душистый воздух! Он пахнет жаром, пылью и пылью. Нигде больше такого нет!

Все чаще появляются черные аисты нефтекачалок. Они сосредоточенно клюют землю, и мне кажется, что ей от этого больно. Наверное, нефть — это и правда кровь земли.

Перед прибытием поезд начинает яростно скрипеть и шататься, словно пьяный. Он никак не может выбрать

нужный путь и в растерянности останавливается передохнуть на короткие две минуты. Это и есть наша станция. Проводница с недовольным видом открывает дверь вагона, с грохотом выдвигает лесенку и молча пропускает нас вперед. Я подхожу к краю и смотрю вниз, в далекую перронную бездну. Надо прыгать. Моя тяжелая бесформенная сумка тянет вниз, как камень. Я бросаю ее с верхней вагонной ступеньки и лечу следом, словно пират, идущий ко дну с привязанным к ногам ядром.

Сумка с глухим стоном падает на исчерченный трещинами асфальт. Я приземляюсь рядом и оглядываюсь на маму. Вцепившись в вагонные поручни, она неловко нащупывает ногой нижнюю ступеньку, хотя давно уже можно прыгать.

Спускаться по лестнице вперед спиной — отвратительно безопасно. Но мама всегда так делает. Словно ей сто лет.

Я отворачиваюсь от мамы и наконец-то замечаю деду. Он курит у выхода из вокзала, в тени акации, и не ищет нас глазами. Потому что и так знает, что мы приехали.

Поезд вскрикивает, словно опомнившись, громко хлопает вагонной дверью и спешит прочь, а мы втроем остаемся на перроне. Мама пощеничьки жметесь ко мне, то хватаясь, то отпуская ручки сумки. Если сейчас посмотреть сверху и соединить наши фигуры линиями, то получится острый, как колючка, треугольник: узкое основание из нас с мамой и далекая вершина деды. Несколько мгновений наша колючка не двигается с места, и мне кажется, что вокруг нас застывает даже воздух. Словно великан, выдыхающий ветер, на спор задержал дыхание.

Я считаю, сколько секунд он продержится, и его кровь стучит у меня в висках. Когда нам с великаном становиться совсем невмоготу, я мысленно команду: «Дыши!» Великан послушно выдыхает, и все вокруг оживает: деда тщательно тушит сигарету об урну, я взваливаю сумку на плечо, мама одергивает платье, и мы начинаем сближаться. И чем меньше между нами остается шагов, тем острее я чувствую, как же сильно я соскучилась! И как же я рада видеть деду!

Он идет на нас, слегка ссутулив плечи. И я с удовольствием узнаю его прыгающую походку. Шаги у деды широкие, но одна нога всегда словно чуть-чуть не поспевает за другой, отчего кажется, что он слегка прихрамывает.

Я ускоряю шаг и быстро-быстро осматриваю деду. Все в порядке: он, как всегда, загорелый, седой и худой. И жухлая зелень рубашки, и синие брюки — все точно такое же, каким было и год, и пять лет назад. От этого у меня в груди распускается огромный белый цветок, похожий на один из бабулиных пионов. И хотя слишком бурно выражать эмоции у нас не принято, я не могу сдержаться: отпускаю сумку, бросаюсь деду на шею и незаметно делаю глубокий вдох: деда пахнет сигаретами и медом. Как всегда, а значит, как надо. Смесь табака и меда — второй мой любимый запах. А первый — запах деревянных шпал, разогретых на солнце. И он тоже совсем рядом, нужно лишь обернуться. И в этот миг я вдруг осознаю, что лето начинается именно сейчас. И оно уже дышит всем тем, что я так люблю.

Я обнимаю деду совсем не долго, но он уже отстраняется, не грубо, но твердо. Мама улыбается и чужим глуховатым голосом говорит:

— Здравствуйте, Михаил Николаевич!

— Добрый день, — бесцветно отвечает он и кашляет.

Деда никогда не смотрит прямо в глаза, всегда чуть в сторону. Он не обнимает маму. Не спрашивает, как мы доехали. Просто подбирает мою сумку, разворачивается и идет к вокзалу. А мы семеним следом. И я рада! Рада видеть и сутулую дедову спину с белесым выгоревшим пятном между лопаток, и свое улыбающееся лицо в отражении полукруглых, словно прищуренных, окон вокзала, и трещинки на асфальте, и вообще — все вокруг! Должен же из нас троих хоть кто-нибудь радоваться.

Мы огибаем здание вокзала, быстро пересекаем пустую площадь и оказываемся на бесконечно длинной улице, обрамленной рядами сонных тополей. Это дорога к бабушкиному дому. Дорога к бабушке. И здесь для меня все важно: каждый тротуар, каждый перекресток, каждая тропинка, срезающая путь по дворам. Я проверяю, выкрашены ли в белый цвет двухэтажные домики и в голубой — ограждения вдоль тротуара. Работает ли кулинария и достаточно ли сильно оттуда пахнет свежей сдобой? Расцвели ли космеи на клумбе возле бабушкиной школы? Не спилили ли старые тополя в парке? Стоит ли там еще заброшенное колесо обозрения? Горит ли Вечный огонь? Не закрыли ли баню? Жалко, что не закрыли.

У меня в голове длинный список. Я отмечаю в нем все по порядку и одновременно болтаю с дедой. Точнее, я просто иду и говорю, а он молча тащит сумку. Но я знаю, что деда слушает, потому что иногда он удивленно кряхтит или одобрительно хмыкает. Я рассказываю

ему о том, что окончила седьмой класс всего с одной четверкой по алгебре, о выигранных олимпиадах по литературе и биологии, о том, что сдала на первый взрослый разряд по плаванию. Я спешу рассказать ему обо всем. Я хочу, чтобы самые важные слова вылуплялись из меня и поскорее улетали, потому что мои важные слова — они только мои. Об маму они ударяются и уносятся прочь, лишь слегка пощекотав ее крыльями. А деда их впустит. Ненадолго, но впустит.

Мне кажется, внутри деда похож на недостроенный дом, в который можно зайти, но жить — нельзя. Хотя мне и этого достаточно. Потому что совсем не выпускать из себя слова невозможно, ведь все живое должно увидеть свет. И сделать это по пути к дому бабушки — самое лучшее время и место.

Когда мы дойдем, мне придется многое повторить, но это будет совсем другое дело, потому что бабушка любит спрашивать, но не любит слушать. Она заберет из моего рассказа только то, что захочет. Что-то подчеркнет, что-то исправит, поставит оценки, а все остальное выбросит.

Я так не хочу. Я хочу успеть отдать все мои истории по своей воле.

У моей несуразной сумки на брюхе есть колесики, поэтому деда то несет, то везет ее по неровному асфальту. Она страшно грохочет и то и дело заваливается на бок, словно нелепое коротколапое существо. Моя сумка всем неудобна, и с ней сложно сладить. Недаром же она моя.

Мама по-прежнему плетется сзади.

— Мам, иди к нам, — время от времени зову я.

— Тротуар узкий, неудобно будет.

— Да нормальный тротуар!

Но мама только мято улыбается в ответ и не присоединяется ни к нам, ни к беседе:

— Иди, Даш, иди.

Так мы и идем до самого дома — колючим треугольником, только теперь особенно острая его часть — это мама.

Я болтаю, но мысленно продолжаю отмечать важные приметы. Список заканчивается — мы приближаемся к бабушкиному дому. Остается всего несколько пунктов.

Ряды сарайчиков и гаражей во дворе, вокруг которых мы играем в прятки и казаки-разбойники, — на месте.

Наша скамейка возле дома — стоит.

Деда открывает тугую дверь в подъезд, и я вдыхаю особый лестничный запах — прохладный, свежий, деревянно-побелочный — как надо.

— Деда, а Динара с Нуриком здесь?

— Здесь.

Отлично, еще один пункт. Остается всего два.

Я бегу наверх, обгоняя деду, сумку и маму. Бегу, чтобы скорее позвонить в дверь, чтобы бабушка скорее открывала.

Всем, что есть во мне, — сердцем, душой, руками, ногами, глазами, носом — я хочу чувствовать, впитывать, ощущать! Бабушкин голос, запахи, цвета и звуки ее квартиры — как же сильно я соскучилась по всему этому!

Я бегу вверх, и меня переполняет радостное ожидание тех чудес, что лето приготовило для меня. Как же сильно я истосковалась по всему тому, что успела увидеть по пути с вокзала, и тому, что скоро обязательно увижу!

Я знаю наверняка: все, что мне нужно, все, что я так люблю, верно ждало меня целый год, не исчезая и не меняясь. И когда мы встретимся, мы сразу узнаем друг друга. Иначе и быть не может!

И мое сердце не вмещает благодарности за эту неизменность и верность.

Я топаю по деревянным ступеням как слон. К черту — пусть все знают, что я приехала! Пусть просыпаются люди, стены, окна и двери! Пусть все вокруг шумит и грохочет вместе со мной! Я приехала! Я здесь!

Внизу мама с дедой сражаются с сумкой. Она упирается всеми колесиками и ни в какую не хочет подниматься. А я уже у двери, уже нажала на звонок и, кажется, даже слышу бабушкины шаги.

Но раньше нашей открывается другая дверь — дверь напротив, и выходит Ведьма. Белая и холодная, как всегда. Она нисколько не изменилась, так же как встречавшие меня улицы, дома и тополя. Ведьма надвигается, тянет ко мне руки и шепчет тихо-тихо, чтобы услышала только я:

— Дашенька, девочка моя приехала, девочка моя...

Меня обдает ужасом, радость и восторг внутри гаснут, будто свечи от резкого выдоха. Я вжимаюсь спиной в дверь и стучу в нее ногой, чтобы бабушка поторопилась. Плевать, что потом мне придется эту дверь отмывать.

Краем глаза я уже вижу мамину макушку на лестнице, слышу, как тяжело дышит деда с вырывающейся сумкой в руках. Но и Ведьма уже совсем рядом. Я чувствую ее странный сладковатый запах и то, как перед ней сгустился воздух. Нельзя, чтобы она до меня дотронулась! Надо

бежать! Но бежать некуда. Бабушка не торопится открывать. Она никогда не торопится мне помочь.

Но в тот миг, когда белые Ведьмины руки почти касаются моего лица, сзади, словно выстрел из пушки, грозно бухает деда:

— А ну пошла от нее, стерва старая!

Ведьма отскакивает, и в то же мгновение бабушка наконец открывает дверь. Кажется, что обрывается туго натянутая веревка. Я лечу спиной вперед и приземляюсь на бабушкин живот. Он рыхлый и мягкий, как подушка.

Ведьма исчезает за мамой и дедой, и дверь с тихим щелчком отсекает от нас все, что случилось мгновение назад. Наступает тишина, но, прежде чем грянет бабушкин голос, я успеваю заметить, как сильно рассержен деда и удивлена мама. Готова спорить, она никогда не слышала от него ничего подобного. Но ведь мама и о Ведьме ничего не знает.

Бабушка уже делает глубокий вдох, чтобы начать свою речь, а мое сердце, остановившееся мгновение назад, наконец оживает, принимаясь бешено биться о ребра, и кровь пульсирует в висках и затылке.

— Ну, с приездом, дорогие мои! — торжественно произносит бабушка зычным учительским голосом.

Мне кажется, что сейчас она стоит не посреди коридора, а на школьной линейке. Широко улыбаясь, она смотрит на нас, но никого не видит.

Бабушка бывает такой, когда мы встречаем ее бывших учеников, их родителей или школьных коллег. Что бы ни было за секунду до этого, что бы она мне ни выговаривала, за что бы ни ругала, при встрече со знакомыми бабушка становится вот такой, как сейчас, — радушной,

любящей, щедрой. Из «неблагодарной свиньи» я мгновенно превращаюсь во «внуку мою любимую» и становлюсь самой умной и талантливой на свете. Потому что у Татьяны Дмитриевны другой внучки быть не может!

В такие минуты от меня требуется немного: улыбаться, смотреть умными глазами, вежливо и скромно отвечать и умолкать, когда приходит пора говорить бабушке. Одним словом, не позорить — вот и все, что от меня нужно. Не позорить и не быть собой — точно как бабушка.

Я видела однажды, как в витрине дорогого магазина на золотой подставке медленно вращался флакон духов. Обычный стеклянный пузырек — ничего особенного, но его плавное вращение, и золото, на котором он стоял, и мягкий свет, направленный со всех сторон, меняли невзрачную стекляшку до неузнаваемости. Вот и бабушка такой же флакон: стоит ее подсветить вниманием и выставить напоказ, как она мгновенно преобразуется: голос звенит молодо и живо, словно весенний ручей, глаза светятся, улыбка не сходит с губ. Всем бы хотелось, чтобы у них была такая бабушка — веселая, обаятельная, красивая. Которая не ноет и не жалуется, а лишь невзначай отпустит пару небрежных шуточек о своей болезни. словно ей и дела до нее нет. Подумаешь!

Всем бы хотелось иметь такую бабушку. И мне тоже.

Закончив с приветствием, она торжественно и широко раскрывает объятия, чтобы задушить меня в них. Но не от избытка любви, а потому что так надо.

— Здравствуйте, Татьяна Дмитриевна, — еле слышно говорит мама.

— Внука моя приехала! — грохочет бабушка, слишком очевидно не замечая маминых слов, и вжимает меня в свой необъятный живот.

Я судорожно хватаю воздух, но, прежде чем задохнуться, успеваю почувствовать тянувшийся с кухни аромат чего-то печеного, ругаюсь про себя и мысленно вычеркиваю последние два пункта: «Ведьма» и «пирог с черемухой».

Все. Вот теперь мы точно приехали к бабушке.

Пирог с черемухой

Пирог с черемухой — это начало. Только цветочки. Потом будет много всего, и хорошего, и не очень. Будут друзья, малина с куста, теплые медовые пенки, срезанные с сот, горячие шпалы, сережки из лепестков мальвы, земляника на склонах и звезды, до которых рукой подать. Но чтобы все это получить, нужно пройти испытание пирогом с черемухой.

Пирог с черемухой! Черт бы его побрал! На вкус — как перемолотые хрящи с сахаром. Жуешь, и тянет отплеваться и поскорее прополоскать рот.

Бабушка отлично знает, что я его не выношу, но с маниакальным упорством готовит на каждый мой приезд. А потом с торжеством и злорадством наблюдает, как я глотаю куски, и раз за разом повторяет:

— Однажды ты поймешь, что это вкусно, и тогда ты — полюбишь!

Пирог с черемухой для бабушки — что-то вроде теста на мою взрослость. А еще — символ ее власти надо мной. Стоит мне покориться, проглотить хоть кусочек, и бабушка станет полноправной моей хозяйкой на ближайшую вечность.

Хотя она и так ею станет, лишь стоит маме уехать...

Я же говорю, пирог с черемухой — только цветочки.

А уезжает мама уже завтра.

Поезд, который нас привез, едва успеет добраться до конечной станции, где в него затолкают чистое белье, зальют свежую воду для чая и, не дав отдышаться, отправят обратно. И он поспешит за мамой, потому что она всегда торопится уехать. Ведь никому не хочется задерживаться там, где тебя не любят и где ты не так хороша, как сама о себе думаешь. Но об этом не обязательно говорить. Если у тебя есть работа, всегда можно свалить на нее. Мол, ждут. Надо ехать. И уезжать без оглядки.

Так мама всегда и делает. А я остаюсь. Потому что работы у меня нет.

Свекольная дорога

Прежде чем сесть в поезд, мама долго меня обнимает. Конечно, она не хочет оставлять меня там, где ее саму не любят. Но, говорю же, летом меня всегда некуда деть.

На прощание она шепчет, что бабуля приедет за мной в августе. И остаток лета я проведу с ней, дедой и Ромкой — моим двоюродным братом. Моим самым любимым братом. Наверное, мама думает, что за это можно будет держаться, и, кажется, она права.

Ромка — сын маминой сестры, тети Иры. Видимся мы только летом, когда гостим у бабули. И когда мы встречаемся, наступает самое счастливое время — у меня появляется старший брат! Настоящий — большой и сильный. Самый лучший брат, который подбрасывает в небо и ловит у самой земли, который не дает утонуть в озере, хоть я и плаваю лучше его. Который берет за руку, ведет, защищает и оберегает. Который слушает и слышит. Такой он, мой Ромка. Если бы он жил с нами, если бы был совсем родным, все было бы иначе — и дома, и тут, у бабушки. Если бы мы были вдвоем, все было бы хорошо.

Порой я так сильно хочу, чтобы Ромка оказался рядом, что вижу его наяву. Но он приходит не всегда, а только если без него мне не справиться. Я зову его, когда страшно, когда папа кричит и его тяжелая рука взлетает и падает на меня, и от этого я забываю, как дышать. Зову изо всех сил, и Ромка появляется в моей комнате. Он не

входит в дверь, не влетает в окно, он просто возникает рядом. И тогда мы разговариваем и смеемся, а большего мне и не нужно. Потому что, когда Ромка со мной, никто другой не может до меня добраться. Мы словно прячемся в волшебном шаре, взлетаем высоко-высоко и становимся невидимыми.

Мамин поезд дергается, и она кричит в захлопывающуюся вагонную пасть, чтобы я слушалась бабушку. Кричит так отчаянно, словно для нее это действительно важно. И я обещаю, хотя знаю, что все это неправда. Просто так нужно, чтобы, даже уехав, мама осталась хорошей. Но мы обе знаем, что ее слова предназначены вовсе не мне.

Ветер подхватывает мамин крик и, подбрасывая и ловя на бегу, несет через вокзальную площадь, по длинной пустой улице, по дворам мимо белых домиков, мимо парка и стадиона и небрежно бросает в то самое кухонное окно, возле которого сидит бабушка.

От маминого крика поезд вздрагивает, как вздрагивают, засыпая, слишком уставшие за день люди, и утаскивает маму назад — к папе, домой. А я иду в конец перрона, где в тени акации курит и ждет меня невидимка-деда. Мама наверняка обиделась на него за то, что не подошел проводить ее к вагону. Но что в этом необычного? Он же еще дома с ней попрощался, а теперь он просто ждет меня.

Я подхожу к деде, а спиной чувствую, как все быстрее уезжает мама.

Деда аккуратно тушит сигарету о стену вокзала и бросает окурок в куст. Он, как обычно, не смотрит на меня, но я все равно замечаю в его глазах нечто такое, что можно принять за сочувствие. Деда никогда не жалеет и не

защищает словами, ими он только ругает, да и то если вместе с бабушкой. Но порой он умеет пропускать нужные слова через глаза, как ток через провода. А я умею их понимать.

— Ну, пойдём? — с сомнением спрашиваю я, когда мамин поезд уже совсем не слышно.

— Пойдём, — кивает деда и поворачивается ко мне спиной.

Мы молча идем вдоль железнодорожных путей, сначала по перрону, потом по гравийной насыпи. Прямо на камнях растет серебристая полынь и ярко-голубые цветы на длинных стеблях. Красивые. У нас таких нет. Идти на дачу недолго, но по жаре под палящим солнцем любое расстояние кажется бесконечным. Зато шпалы уже прогрелись и, вместе со степными травами, начали источать свой особенный аромат. Эта смесь — запах моего лета. Он горький, но нет ничего слаще его.

Возле станции пути множатся, как ветви деревьев, растекаются ручьями в разные стороны, а потом снова собираются, и остается всего один. Самый главный путь, который ведет туда, куда всем нужно. На остальных стоят чумазные цистерны, похожие на грязных, давно не стриженных овец. Они дремлют на жаре в ожидании, когда их разбудят, перемешают, соберут в новые отары и они покорно последуют за тепловозом, не выясняя, куда он их поведет.

Я люблю наблюдать, как трогается поезд, как по его змеиному телу пробегает дрожь, с каким усилием даются ему первые метры.

Люблю слушать, как стучат колеса на разгоне: кажется, что так же стучит и мое сердце — тяжело и неровно.

Люблю, как звучат вслед ушедшему долгие прощальные гудки оставшихся на станции тепловозов и птичьи переговоры диспетчеров. Люблю махать машинистам и очень люблю, когда они посылают мне в ответ веселый короткий гудок. И хотя отвечают мне нечасто, я все равно машу, ведь им, уезжающим, это нужнее.

— Ну что ты как... — всякий раз говорит деда и никогда не договаривает.

— Как кто?

— А, — раздраженно бросает он, цыкает и презрительно отворачивается.

От моего поведения деда вообще легко раздражается. Только я все равно машу машинистам, потому что, когда ты уезжаешь или возвращаешься, обязательно нужно, чтобы это хоть кто-нибудь заметил.

Но сегодня мне махать некому. На оставшейся позади станции тихо и пусто, словно мамин поезд был последним во Вселенной.

Там, где у железной дороги больше всего разветвлений, нам и нужно переходить. Потому что где-то за неразберихой путей в сторону отходит старая неприметная ветка с низкими ржавыми рельсами. Она ведет на свеклопункт, где в конце лета вырастет настоящая свекольная гора высотой с пятиэтажный дом. Только тогда по этой ветке и будут ходить поезда, а пока мы будем ходить по ней на дачу.

Дойдя до нужного места, деда резко останавливается, озирается по сторонам и решительно перешагивает через высокий блестящий рельс

— На стрелки не наступай! — командует он мне.

— Да помню, — отвечаю я насколько могу равнодушно, хотя на самом деле после бабушкиных историй стрелок я боюсь как огня.

Бабушка вообще очень любит пугать, особенно когда ей нужно что-нибудь мне запретить.

— Одна старуха шла как-то раз, вот прямо здесь, и встала ногой на стрелку. А стрелка как раз перевелась, ну и зажала ей ногу! — зловеще начинала бабушка свой рассказ. — Старуха ногу дергает — не вытаскивается. А оттуда, — она безжалостно протыкала пальцем воздух за моей спиной, — на нее уже товарняк с нефтью несется!

— И что было? — в ужасе спрашивала я, невольно оборачиваясь.

— Что было? То и было. Ты знаешь, что машинистам, ведущим такой поезд, нельзя резко тормозить?

— Почему?

— Потому что нефть везут! Она от этого взорваться может!

— А старушка как же?

— А так. Если на путях кто-то стоит, машинист сигналист, а если человек не уходит, машинист имеет полное право его сбивать! Потому что — нефть! — с мрачной торжественностью восклицала бабушка.

Если ей верить, то старухи на этом месте мрут каждый год. Потому что каждый год она рассказывает мне эту историю так, словно все случилось совсем недавно.

Рассказывала.

Больше бабушка на дачу не ходит — сил нет.

Но я с детского сада усвоила, что нефть — важнее любого количества старушек. Хотя, по мне, ничего в ней особенного, в этой нефти, нет. Черная, густая,

вонючая — ее всегда полно в лужах возле качалок. Любая бабка легко может быть лучше нефти.

Ну или почти любая.

Я спешу за дедой, перепрыгиваю через расплзающиеся во все стороны рельсы и не смотрю на стрелки. Но пока прыгаю, все время представляю ту старушку из бабушкиного рассказа, а больше — то, что от нее осталось, когда поезд наконец проехал...

Я не смотрю на стрелки, но почему-то все равно их вижу. И они в ответ тоже на меня смотрят. Угроюще, как голодные крокодилы.

А если одна такая зажмет ногу и мне?! Что я буду делать? И каково моим друзьям-машинистам будет переехать меня, как всех этих бабушкиных старушек?

И я уже вижу себя со стороны — с недалекого, но безопасного расстояния.

Попавшаяся я дергается, пытается вырваться, но крокодилы челюсти стрелки держат крепко. А сзади уже надвигается огромная горячая волна тепловоза...

— Деда!!

— Давай шевелись! — кричит он откуда-то издалика.

От его голоса железные челюсти мгновенно разжимаются, тепловоз превращается в порыв горячего ветра, и спасенная я без оглядки бегу от крокодилов, безглазых тепловозов и размазанных по рельсам старушек. Из всех сил бегу.

Наконец я догоняю деду. Я взмокла и запыхалась от прыжков и страха, а ему хоть бы что — идет себе, чуть ссутулившись. Молчит и помахивает сумкой.

Мы шагаем по свекольной дороге и точно знаем, что здесь не опасно.

По шпалам идти неудобно. Если наступать на каждую, начинаешь семенить, а перешагивать через одну не получается — слишком широко. Поэтому я иду прямо по рельсу. Балансирую руками и иду. В начале лета всегда получается плохо — я то и дело падаю и отстаю. А к концу — я смогу по рельсу даже бежать и не смотреть под ноги.

Деда снова ушел вперед, он меня не ждет и не оборачивается. А я, стараясь не потерять равновесия, мысленно достаю второй, дачный, список и начинаю отмечать: вот слева бабушкины березы, она вечно с ними обнималась, когда уставала идти. Справа — заболоченный лужок с гусями и утками. Вот за забором бочки, в которых хранят нефть. Они похожи на огромные банки из-под сгущенки, только без этикеток. Вон впереди белый элеватор — возвышается надо всем, как средневековый замок. А перед ним серый коровник, огороженный дощатой изгородью, а возле нее стоят грязные и скучные коровы. Они провожают нас тусклыми взглядами, и мне становится неловко. В загонах нет ни клочка травы, а с другой стороны железной дороги ее целое море.

— Деда, почему их никогда не выпускают? — спрашиваю я, плюнув на рельсовую акробатику и догнав его по тропинке.

Он долго молчит, словно пробует слова на вкус, и все они ему не нравятся. А потом бесцветно отвечает:

— Не знаю.

И мы ускоряем шаг. Потому что нет сил терпеть коровьи взгляды и слушать их молчание.

Как-то раз я подошла к изгороди и попыталась поговорить с коровами. У меня неплохо получается мычать,

по крайней мере, Ромка меня хвалил, да и все мои знакомые коровы, стоило мне замычать, всегда отзывались. А эти — нет. Только еще страшнее смотрят.

Я бегу за дедой, который под коровьими взглядами согнулся в три погибели, словно ему в лицо дует ураган.

Деда спешит на свою дачу. Скорее за сетчатый забор, густо увитый хмелем, за высокую калитку, сделанную из старой пружинной кровати. К малине, винограду и пчелам.

Скорее!